

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ОТДЕЛОМ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ЦЕРКВИ С ОБЩЕСТВОМ И СМИ

Он просто жил по-евангельски

2–3

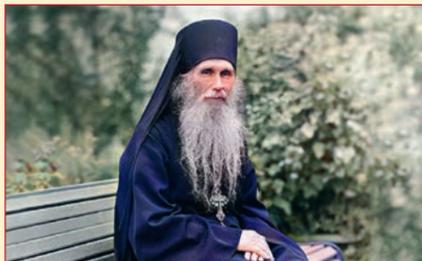
Вести Движения

«Россия Православная». События. Люди. Факты

4–5

Судьба человека

6–8

ХРАНИТЬ ВЕРНОСТЬ ТВОРЦУ!

Вечером 23 февраля, в понедельник первой седмицы Великого поста, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил великое повечерие с чтением Великого покаянного канона преподобного Андрея Критского в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя г. Москвы. По окончании богослужения Святейший Патриарх обратился к пастве с проповедью.

Во время Великого поста мы часто слышим слова «дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми». А что такое праздность? Некоторые считают, что это время, свободное от всяких обязательств: можно ничего не делать, ни о чем не думать, разгрузить свою психику и успокоиться – в общем, почти синоним отдыха. На самом деле это совсем не так. Славянское слово «праздность» по-русски означает «пустота». «Праздное поле», крестьяне знают, – это пустое поле, на котором ничего не родится.

И вот здесь-то и возникает понимание того, почему Церковь молится, чтобы дух праздности не стал господствовать над человеком. Потому что пустота обычно чем-то заполняется – таков закон природы. И чаще всего, если пустота поражает сознание человека, его волю, его чувства, то душа его попадает под власть темной силы, а за всякого рода искушениями и соблазнами следуют даже преступления.

Вот почему мы молимся, чтобы дух праздности не господствовал над нами, чтобы Господь нас избавил от пустоты, чтобы Он дал нам силы определять свое целеполагание, от которого зависит вся наша жизнь.

Отсутствие целеполагания, то, что мы называем пустотой – это очень опасное состояние души. Не случайно в молитве Ефрема Сирина дух праздности стоит на первом месте. Некоторых людей осознание своей жизненной неудачи, ощущение пустоты доводит до самого страшного – до самоубийства. Церковь избавляет нас и от таких мыслей, и от таких опасных и греховных перспектив, потому что она обращает нас к реальным целям и задачам жизни. Ведь заповеди, которые мы знаем, учат нас тому, как нужно жить, чтобы жизнь состоялась. Божественные заповеди не возлагают на человека никаких неудобноносимых вериг. Напротив, исполнение заповедей, жизнь по закону Божию – это лучшая инструкция, следуя которой, человек способен стать счастливым. Внешне человек может быть не слишком благополучен, он может проходить через некие-то испытания, болезни, скорби, но его жизнь состоится, если целеполагание верное, если он верит в Господа, если исполняет Его закон, если стремится наполнить свою жизнь тем, что и является спасительным для души и тела. Уверенность в том, что Господь ведет человека по жизни, что никакая пустота, никакая трясина неспособна его затянуть, лишит целеполагания и смысла жизни, и помогает нам жить и проходить через трудности, скорби и иные сложные обстоятельства.

Опять-таки, то, чему нас учит Господь, ведет не к скорбям, не к каким-то веригам, которые человек иногда неразумно возлагает на себя сам, а к нашему благополучию. Конечно, к жизни вечной, но жизнь вечная начинается здесь, в этой жизни. Потому для нас очень важно никогда не терять путеводную линию, которая связана, в первую очередь, с убеждениями человека. А если человек ни о чем не думает и никаких убеждений у него нет, он становится легкой добычей для тех, у кого есть убеждения, – чаще всего тех, у кого дурные, иногда даже преступные наклонности.

А вот если человек живет по слову Божию, если воспитывает свой ум и сердце на основании не человеческой мудрости, а мудрости свыше, если есть реальная связь с Богом

в сердце, то такой человек становится по-настоящему сильным, а значит, счастливым, даже если внешние обстоятельства его жизни будут не самыми благоприятными.

Нередко в истории, да и в настоящее время следование за Христом требовало прохождения через страдания. Но эти страдания открывали людям огромную силу их собственного духа и в конце концов становились преддверием вхождения в Божественное Царство. Разве можно было назвать счастливыми людей в нашей стране в страшные годы нашептий иноплемеников, особенно – Великой Отечественной войны? Но, несмотря на эти внешние обстоятельства, вера в Господа, упование на Его волю дали людям возможность выжить. И я не сомневаюсь, что и сегодня наша вера, упова-

ние на Бога позволяют нам обращаться к Нему с молитвами и просьбами, на которые мы чаще всего получаем ответы. Может быть, не всегда нам понятные, но многие из нас, проследив свой жизненный путь, скажут: «А ведь то, что со мной тогда произошло, было неслучайно».

Господь присутствует в нашей жизни, и самое главное, что от нас требуется, – это верность нашему Спасителю. Сегодня никто не требует от нас отречения от веры, никого не дискриминируют по признаку отношения к Церкви. Но сегодня, как и всегда, множество факторов способны отдалить человека от Бога, затемнить перспективу реальных отношений человека со своим Творцом, перенаправить стрелку жизненного пути. В любое время – и во время скорбей, через которые Церковь проходит, и во время благополучного бытия, как сейчас, – всегда есть нечто, что может приближать человека к Богу или, напротив, создавать средостения.

Есть такие слова: «Кому больше дано, с того больше и спросится». Мы живем в такое время, когда нам очень многое дано. Перед нами открыты все возможности жить по-христиански, открыто исповедуя свою веру. Но «кому больше дано, с того больше и спросится». И с нашего поколения, людей пожилого и среднего возраста, и с молодежи спрос будет особый. Спрос за детей и внуков, спрос за то, какой вклад мы вносим в жизнь страны, насколько мы служим делу Божию.

Может быть, именно в дни Великого поста нам нужно, в том числе, подумать о своей собственной миссии. У каждого православного человека есть своя миссия. Она связана в первую очередь с уклонением от зла, с работой над самим собой, с борьбой со своими недостатками, грехами. Конечно, миссия связана и с совершением добрых дел, без которых вера мертва есть.

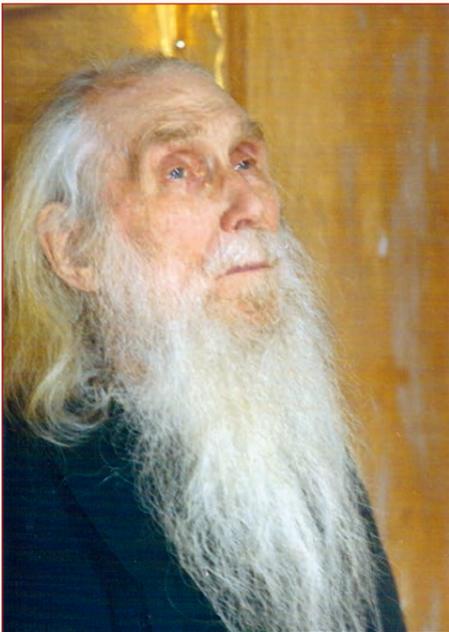
Другими словами, сегодня, в условиях значительного благоприствования, когда открыты многие возможности, мы еще и еще раз должны спросить самих себя: «А все ли я делаю для того, чтобы сила Божия являлась людям, чтобы вера в народе укреплялась, чтобы укреплялась моя собственная вера, чтобы я совершенствовался в своем христианском призвании?» И такое испытание совести всегда помогает человеку ответить на самый главный вопрос: «А что я делаю сегодня как христианин, как человек, верующий в Бога? Насколько я использую те возможности, которые у меня есть?» От каждого христианина, как это всегда и было, требуется трезвая самооценка и в соответствии с судом своей собственной совести – корректировка жизненного пути. Время Великого поста и дает нам такую возможность – критически подумать о себе, посмотреть на себя как бы со стороны, задать себе вопросы, которые касаются того, насколько наша вера действительно проявляет себя и в личной, и в семейной жизни, и в отношениях с окружающим миром.

Великий пост есть время духовного сосредоточения, концентрации сил, проверки самого себя, и ведь все это укладывается в церковный устав. Богослужения во время Великого поста продолжительные, человек не всегда способен следить за тем, что читают и поют, но всегда же есть возможность пред лицом Божиим подумать о себе, о своих родных и близких, а самое главное, подвергнуть себя своему собственному суду, найти в себе то, что категорически необходимо исправить и посвятить этому исправлению все свои силы. Именно так человек идет по пути спасения. Невозможно спастись, если не работаешь над самим собой, просто невозможно, потому что «несть человек, иже жив будет, и не согрешит». А если человек согрешает, то искоренение этого греха требует напряжения разума, воли, чувств и, конечно, силы веры и силы молитвы.

Я всем нам желаю именно так, а не иначе провести дни Святой Четыредесятницы. Подумать о себе, проконтролировать свои деяния, свои мысли, свои слова, может быть, скорректировать траекторию своего жизненного пути. Нет лучшего времени для такого рода работы, как время Великого поста, и да помогает нам Господь через молитву, через воздержание, через таинства Церкви сделать важные шаги по пути спасения, которые могут изменить к лучшему не только перспективу нашей жизни на земле, но и перспективу нашего участия в жизни вечной.

Да хранит всех нас Господь и да помогает нам в дни Святой Четыредесятницы и в молитве, и в посте, и в добрых делах. Аминь.

ОН ПРОСТО ЖИЛ ПО-ЕВАНГЕЛЬСКИ

20 февраля 2026 года исполнилась очередная годовщина со дня преставления архимандрита Кирилла (Павлова; †2017) – всенародно почитаемого старца, братского духовника Троице-Сергиевой Лавры, множества священнослужителей, монашествующих и мирян. Настоящая публикация – воспоминания о батюшке монахини Евфимии (Аксаментовой), на протяжении последних двух десятилетий постоянно находившейся при нем и день за днем впитывавшей тихий свет праведности, исходивший от отца Кирилла.

Говорить и писать о таком человеке, как отец Кирилл, и отрадно, и ответственно.

Отрадно потому, что воспоминания о нем в жизни многих и многих, даже тех, кто встречался с батюшкой лишь однажды, остались самыми светлыми, самыми лучшими духовными переживаниями.

Ответственно потому, что всегда есть опасность подменить большое незначительным и через призму личного незрелого восприятия перетолковать то, что было в пастырском служении батюшки приправлено солью кротости и смиренномудрия.

А такое случается, к сожалению, и от наших «лучших человеческих побуждений» во всей их бесцеремонной близорукости невозможно быть застрахованным никому – даже кроткому отцу Кириллу.

* * *

После всех перипетий Второй мировой войны и долгих лет очень непростого монашеского и пастырского служения в условиях атеистического государства, в 1990-е, так называемые послеперестроечные годы, на отца Кирилла обрушилась настоящая лавина посетителей. Это было время, когда, с одной стороны, открывались храмы и духовные учебные заведения, монастыри, когда начинала выпускаться разная духовная литература, а с другой – люди страдали от безработицы и нищеты и переживали эти новые для себя обстоятельства очень драматично, многие искренне искали путь к Богу...

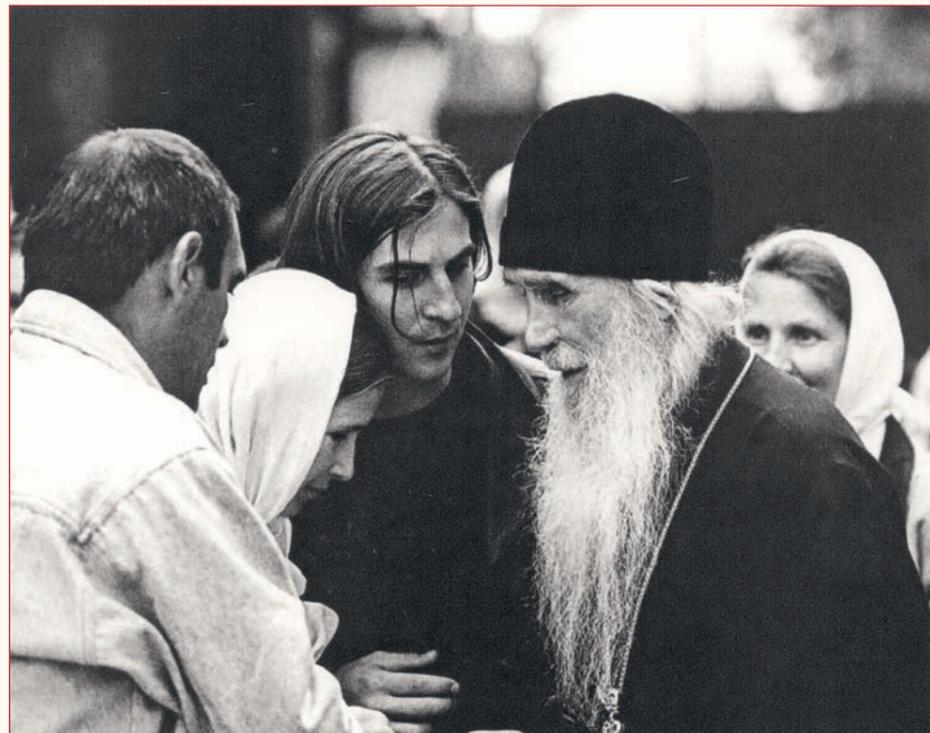
Лаврская «посылочная», где отец Кирилл исповедовал, переполнялась уже до отказа. В келье, откуда он уходил на братский молебен к 5:30 и куда едва успевал вернуться к полуночи, его поджидало приезжее духовенство; наконец, в Переделкине, куда батюшка по приглашению Патриарха Алексия II приезжал для отдыха, посетители, ожидая приема, часами стояли в тесных коридорах, а те, кто стоял за воротами, ждали не один день...

Его способность хранить мирное, благодушно-приподнятое расположение духа при таких нагрузках и при таком распорядке жизни поражала. В гневе, повышающим голос батюшку не видел никто. А между тем в этот беспокойный водоворот он был погружен постоянно.

Наряду со «старыми» духовными чадами, людьми, которые знали батюшку с 1960-х, 1970-х годов, берегли его и не позволяли себе задерживать старца на лишнюю минутку, у дверей его кельи в Переделкине собирались и те, кто, едва переступив порог Церк-

ви и начитавшись сомнительной «духовной» литературы, требовал к себе повышенного внимания. То была растерянная перед испытаниями жизни молодежь; не нужные никому старики, которых надо было выслушать и просто помочь деньгами; несчастные супружеские пары, которые батюшка примирал и успокаивал; ученые мужи-богоискатели и плачущие матери-одиночки с тяжелобольными детьми; подчас психически нездоровые или пьющие люди, хлынувшие в Церковь и тоже чаявшие себе крупицу тепла и участия; знакомцы знакомых; благодетели тех или иных монастырей, не принять которых было нельзя; благодетели благодетелей, родственники благодетелей и т.д. и т.п. и проч. Список можно продолжать и продолжать. И это, не принимая в расчет визиты семинаристов перед рукоположением; приезды многочисленных иноков и инокинь из вновь открывавшихся монастырей; духовенства, семей духовенства, настоятелей и настоятельниц разных обителей, которых нельзя было не принять немедленно, как и представителей епископата... Телефон разрывался, батюшку звали, и подчас, прерывая прием, он бежал еще и к телефону: звонили люди с внезапной бедой, требуя утешения; звонили архиереи из дальних епархий...

Все ждали его рассудительного и мудрого совета – совета очень взвешенного, данного в соответствии с церковными канонами. И никогда его совет не вносил разлад и смущение ни в монастырскую, ни в приходскую, ни в чью-то частную жизнь.

«Полюбите читать Евангелие!» – был самый известный его пастырский совет, который многим мог показаться слишком уж незатейливым, но на самом деле призывал к колоссальному внутреннему труду.

Сегодня, мысленно возвращаясь в те годы, я задаю обычным вопросом: КАК? Как он справлялся с такой нагрузкой? Откуда брались у него силы и терпение? Ведь новое время в жизни Церкви вовлекло болезненного батюшку буквально в водоворот поисков и переживаний многих и многих людей, которые, как говорили тогда, только искали дорогу к храму.

И ответ становится очевидным: он ничего не делал своею властью. Все, что происходило вокруг и требовало его участия, – все это находилось во власти Божественной и только Божественным вмешательством разрешалось и управлялось. Отец Кирилл оказался обладателем какой-то несокрушимой скромности и смиренномудрия.

В жизнерадостном и общительном батюшке всегда с удивительной ясностью ощущалось это простодушное и искреннее осознание собственной недостаточности, собственной малости и незначительности.

Однако суетливого самоумаления он был лишен – просто спокойно и честно не считал себя ни старцем, ни уж тем более прозорливцем. Принимать народ на исповедь и

беседу было его монашеским послушанием – послушанием, которое следует нести с любовью и упованием, испрашивая сил от Господа.

Порой меня удивляла степень внутренней свободы, с какой он мог убеждать посетителей в своей заурядности. Посетители, понятное дело, рассчитывали подчас на нечто большее, чем просто исповедь. Рассчитывали, к примеру, что, ровно как в иных патериках и жизнеописаниях, батюшка вдруг возьмет да и откроет им тайные согрешения их юности или возвестит о событиях будущего. Но перед ними кротко сидел сострадательный священноиннок, который со спокойной улыбкой говорил, что он «никакой пользы принести не способен – вот разве что только исповедь принять».

Иные так и уходили, разочарованно хмыкнув: «Ничего такого не сказал...» Иные же, увлеченные в сети этой евангельской кротости, начинали понемногу понимать: разгадка где-то близко.

Это были уроки настоящей жизни. Жизни, в которой отвергалось всякое самовыпячивание и напускная значительность, всякий пафос чудотворчества, пытающийся заслонить тихое сияние подлинной духовности.

Жизни, которая сама выпускает в себя свет преображения, стоит только сделать свой первый шаг навстречу Евангелию.

Ведь жизнь и есть одно непрекращающееся каждодневное чудо!

И надо ли говорить, что для нас, собранных в Переделкине в разные годы и из раз-

А ведь человек – далеко не всегда чуткость, ответная благодарность, умение слушать и слышать, природное благоразумие, искренность и желание исправить свою жизнь. Человек – и каждый из нас это вполне ощущал как собственную немощь – это еще и необоснованные обиды, ропот и недоверие, это несносный характер, невоспитанность, желание настоять на своем, капризы, назойливость, упрямство... Иногда мы переживаем грандиозные и стремительные падения, иногда – равнодушно вязнем в трясины собственной ограниченности и неведения, обрастая отвратительными, липкими коростами новых дурных наклонностей. Все это становится уже нашей второй натурой; от этого безобразия с ужасом прячутся наши близкие, не обязанные терпеть подобное; и всю эту боль нашу из раза в раз должен пропускать через свое сердце духовник.

Отец Кирилл глубоко, всем сердцем входил в страдания каждого, но вот интересно: привычное словосочетание «мое духовное чадо» практически никогда не употреблялось им ни в прямой речи, ни в переписке. Помнится только, как во время многолюдных общих исповедей он ласково обращался ко всем без исключения пришедшим: «Мои дорогие...»

Не было в нем и снисходительно-покровительственного отношения к человеку; никогда он не дерзал императивно провозглашать «волю Божию». О тех, кто приходил к нему за советом, невозможно было сказать: «вот кирилловские» – такого понятия просто не существовало в природе.

В своей «срединной» бесхитростной простоте он оказывался выше любой изысканной усложненности. В своем понимании человека как личности – выше всевозможных человеческих сообществ, кланов и идеологических группировок. Для него не было «избранных» и «дальних» – он оставался почтительным мудрецом в любой щекотливой и трудной ситуации, и это многих отрезвляло, объединяло, многих пробуждало и настраивало на мирный, дружелюбный лад.

Он не гнушался и теми, от кого «за провинности» отворачивались другие духовники. Отец Кирилл поддерживал и утешал таких «отвергнутых», когда они в отчаянии приходили к дверям его кельи.

«Кто я такой?» – с улыбкой говорил он о себе. – Я не прозорливец, я всего лишь посредственность, мое дело выслушать человека... Слово ведь какое подобрал – посредственность... Чтобы самому острее и больнее чувствовать свое несовершенство – не иначе. Казалось, он сам не ведал, сколько преображающего благородства было в «посредственности» его большого сердца.

* * *

Мои личные воспоминания о батюшке наполнены множеством вот таких, казалось бы, незначительных деталей. Это повседневно, даже рутинная обычная жизнь. В ней, возможно, мало привлекательного и «высокого»... Но она – неизменный атрибут жизни всякого человека, будь он иерарх Церкви, мировая знаменитость или рядовой обыватель. Подчас с поспешностью справиться труднее, чем совершить подвиг или яркий поступок.

И вот отец Кирилл был тем редким человеком, который умел эту повседневную рутину преобразить одним своим присутствием. И если на тебя, к примеру, наваливалась черная туча безысходности и уныния – отец Кирилл был именно тем, на кого достаточно было просто посмотреть, чтобы понять, что жить в самом деле интересно в любых обстоятельствах! Он всегда ходил в присутствии Божьем – мирный, ровный, радостный и ласковый со всеми и всегда.

Отец Кирилл благодушествовал, радовался и любил эту жизнь, которую многие бы сочли слишком уж тяжелой. И мало того – он был благодарен Богу за возможность приносить пользу людям, за возможность вот так, не покладая рук, трудиться. Первое, что со скорбью сказал он, оказавшись в больнице уже с роковым инсультом: «Больше людям послужить я уже не смогу»...

Он не искал себе почета и славы, равно как и не переживал, если кто-то относился к нему без должного понимания и сочувствия.

Годы шли, здоровье постепенно сходило на нет, силы действительно убывали. Безотказный батюшка все больше ослабевал и изнемогал от потока посетителей. Он уже стал регулярно навещаться из Лавры в Переделкино, где у него была своя келья, где его ждали и где он мог позволить себе щадящий распорядок дня. Впрочем, удобство этого распорядка было рассчитано только на одно – на возможность как можно чаще оставаться наедине с любимым Евангелием, благоговейно вчитываясь в слово Божие. В остальном же его жизнь в Переделкине мало чем отличалась от лаврской: исповеди, исповеди, исповеди...

Однажды, еще до болезни, он признался, что хотел бы умереть во время исповеди. Он действительно всю душу любил исповедовать людей – «старчествовать» не любил, а исповедь считал делом наинужнейшим, радуясь, когда люди искренне каются, и день проходил плодотворно, и скорбя, когда не встречал в приходящих к нему «никакого интереса к благочестию», а только неугомонное желание получить «прозорливые» ответы. Отец Кирилл, бесконечно жалая народ, не потакал невежественному отношению к Церкви как к месту некоего магического избавления от скорбей и житейских тягот.

А люди шли и шли к батюшке за советом, часами простаивая у ворот резиденции – принять всех желающих не всегда удавалось сразу. Батюшка неизменно просто и добросовестно нес и здесь свое послушание духовника. С тех пор критерием наших суждений о людях постепенно станет именно повседневная, будничная, обычная их жизнь. Батюшка умел скрывать себя за этой будничностью. Но именно в однообразии его монашеской повседневности мы и учились усматривать подлинно духовное содержание жизни, ее евангельскую красоту и целостность.

Как человек послушания и дисциплины, он, к примеру, никогда не опаздывал к общей трапезе и никогда никого не смел поторапливать, намереваясь отправиться принимать народ, напротив – почти всегда он присоединялся к совместной уборке стола и мытью посуды. Это делалось им так легко и органично, так весело и охотно, что мы на радостях забывали просить старца не утруждаться. Но в его присутствии в праздник превращалась любая рутинная работа!

Своей готовностью услужить, радостно разделяя с нами все наши житейские превратности, он объединял и воодушевлял наш иноческий коллектив. Надо ли объяснять сколько тепла вложил он в душу каждой сестры. Когда бы мы ни пожелали обратиться к нему – он всегда выражал сердечную готовность выслушать или же деликатно назначал более подходящее время. Его общительность и доброта творили великое чудо единения и взаимной приязни – кто знаком с монастырской жизнью или работал в коллективе, понимает, насколько это ценно.

В его присутствии было неловко злословить и обижаться, враждовать и выражать недовольство – напротив, все как-то приободрилось в желании исправить свое душевное состояние к лучшему, примириться с теми, с кем довелось этот мир разрушить.

Он всегда оставался трезвым, рачительным, подчас и взыскательным отцом, обладая в то же время даром какой-то воистину материнской нежности по отношению к людям. Неслучайно так долго не могли мы привыкнуть к тому, что тяжелая болезнь отняла у нас возможность согреться под его ласковым взглядом, услышать его всегда взвешенное и сердечное слово, почувствовать снова и снова, как его добрая рука накрывает наши смятенные головы епитрахилью, а тихий голос неспешно произносит разрешительную.

* * *

А еще были письма, письма и письма – бесконечные потоки человеческой скорби и недоуменных исканий... И отец Кирилл отвечал. Это можно было назвать, говоря современным языком, настоящей частной социальной службой. Батюшка регулярно высылал деньги нуждающимся, просил знакомых благотворителей организовать помощь погорельцам и инвалидам; утешал семьи наркоманов – родителей, почти терявших рассудок от горя и безысходности; писал монахам, писал духовенству, писал тем, кто еще только искал свою дорогу в жизни – писал во все концы света. Практически – писал «на колени», почтительно к адресату,

скромно, просто и немногословно, но скольких спасли его пронизанные евангельским смирением ответы... У него не хватало ни сил, ни времени на красивые, оснащенные богословскими сентенциями письма, но от вечал он всем обязательно, стараясь никого не обделить вниманием.

Он держал свое слово, если что-то кому-то обещал, и предпочитал обделить себя отдыхом, нежели это обещание по каким-то причинам не выполнить.

Если уместно здесь такое сравнение, этот человек до глубокой старости, до того самого момента, когда его сосуды просто не выдержали нагрузки, трудился как черноработчий, как раб неклочимый, как должник всем и во всем. И это было повседневной нормой его жизни. Нормой, о которой многие даже и не догадывались.

То подлинно монашеское, смиренное, собранное и вместе дружелюбное устройство духа, какое стяжал архимандрит Кирилл, практически не имея келейного уединения и постоянно находясь, что называется, на юру, – великая, необъяснимая тайна его внутреннего подвига, феномен.

Но были у отца Кирилла и те утренние часы, когда склонялся он над раскрытым Евангелием и долго, вдумчиво и неспешно напивал им свою душу. Дорогостояли для него эти часы. Как-то мы заметили, что над одним евангельским отрывком размышлял он несколько дней... Книга лежала у батюшки на коленях, а он то склонялся над

чекскому смирению.

Потому-то с такой благородной покорностью примет он свои последние испытания болезнью и лишь скажет нам, ободряюще: «*Делайте то, что велют врачи*». Больше он никак не комментировал происходящее – только безмолвно повиновался и терпел. А терпеть было что...

Временами эти первые восемь месяцев (часто – в отделении реанимации) казались пыткой. Напряжены и взволнованы были все – и медики, и лаврская братия, и мы, сестры, хлопочущие у его кровати, и просто люди, переживающие за своего дорогого наставника за воротами больницы... Ведь смерть действительно стояла рядом, буквально дышала в затылок. Но спасала эту крайне напряженную ситуацию, думается, вовсе не наша любовь к батюшке, а именно его большая любовь. Прежде всего – любовь и преданность Христу, которая давала отцу Кириллу силы принимать все как от Божией руки, любить и жалеть всех нас.

Нам же служила огромным подспорьем в те первые, труднейшие времена, его кротость, какое-то глубинное целомудрие во всем. Он ни разу ни в чем не попрекнул нас, не выразил раздраженного недовольства. Как-то мы даже сами попросили его быть менее сдержанным и дать волю эмоциям, если это способно обеспечить ему вполне объяснимое человеческое удовлетворение. «*Но как же вы?* – недоуменно возразил батюшка, – *ведь вы не железные!*»...

священным текстом, то отрешенно отводил взгляд к окну, где щебетали возле кормушек непоседливые и любопытные синицы. Так, с Евангелием в руках, и встретил он в декабре 2003 свой инсульт.

Первые месяцы после инсульта... Парализация всей левой стороны, высокая температура... Батюшка часто бредил... Казалось, болезнь украла у нас нашего духовника, навсегда и непоправимо изменив его внешний облик, исказив и двигательные, и речевые функции... И вот мы, испуганные и растерянные, в какой-то момент спрашиваем его о том, где бы он хотел быть погребенным, если день смерти окажется не за горами.

«*У меня есть начальство, чтобы думать об этом*» – вдруг произносит он в свойственной ему рассудительной манере, даже с какой-то полуулыбкой на лице. И мы внутренне ликуем – вот он, наш батюшка! Препятствие! Никуда не делась спокойная взвешенная его суждений! Никакой инсульт, никакая немощь, обнажая сокровенные тайники его души, не откроют нам и впредь ничего такого, что противоречило бы его ино-

Он совсем не думал о себе. Он просто не умел этого делать. Понимая, насколько деликатно и слаженно должна организовываться теперь ситуация вокруг его одра, он мудро самоустранился, отказавшись от «мнений», не смея повелевать и указывать. Так он поступал всю свою жизнь, а теперь – как будто уступил и само свое тело. Он доверял Богу, который силен и Сам управит ситуацию в нужное русло, вразумит и всех нас, тем более, что каждому человеку нужен свой срок для понимания многих вещей. Это кроткое самоустранение, как показало время, было единственно мудрым решением, оно и заложило тот фундамент, на котором построился многолетний мир между всеми нами.

Сила духа в едва живом его теле не угасала: батюшка, а он первые пять-шесть лет еще достаточно активно контактировал с внешним миром, следил за нашим душевным состоянием – подбадривал, когда чувствовал, что уныние или усталость одолевает. Он и шутил, и искренне радовался приездам посетителей, братии; ночами мы наблюдали как слабенькая правая рука его возносится

для крестного знамения – он поминал, как сам признавался, «всех тех, кто просит» его об этом... Порой удрученно вздыхал: «*Я уже не могу быть полезен людям*». Тут он ошибался – он оставался «полезным» и невероятно нужным в любом состоянии... Многих согревала сама мысль о том, что батюшка по-прежнему живет и молится.

Один или два раза за все тринадцать лет он попросил «хлебушка»... Воспоминания об этом разрывают сердце. Старец должен был питаться через специальную стому в желудке – это, при нарушении глотательной функции, было единственным условием нормального функционирования его организма. Только причащался батюшка через уста, принимая Кровь Христову... Обычный же прием пищи оказался уже невозможен. И, видимо, когда батюшке становилось совсем трудно – естественное человеческое желание ощутить во рту вкус хлеба согревало его... Мы не могли исполнить это желание, со слезами объясняя ему причину... Он все понимал. Да и просил-то шепотом, едва слышно, с нежностью... Всего дважды. И перестал – чтобы не травмировать больше нас...

А как-то мы стали свидетелями... Он говорил самому себе, не подозревая, о слушателях рядом: «*Смириться, смириться, надо смириться до конца...*».

Многие, рассказывая о самочувствии батюшки, желали узнать от нас что-то необычайное, грандиозное, наполненное мистическими или пророческими смыслами... Не отсюда ли, из этих потребностей, бесконечные слухи о каких-то его якобы предсказаниях о грядущих военных бедствиях и потрясениях? Не отсюда ли разговоры о том, что перед смертью он «предрек» нечто ужасное и чуть ли не встал со своего одра?... Что тут скажешь? И стоит ли опровергать то, что в любом случае найдет почву для своих мятущихся домыслов? Мистическое, таинственное конечно же было. Мы невольно оказывались свидетелями проявления той тонкой области его духовной жизни, которую батюшка, будь он в силах, конечно же скрыл бы от сторонних глаз. Но не было в мистической жизни этого, исполненного смирения и любви подвижника ничего, что поколебало бы чей-то мир, посеяло бы в сердце тревогу, смятение, страх...

Преданность своему Спасителю, дух евангельский в каждом взгляде, слове и поступке – разве не это самое главное!? К разочарованию некоторых «ревнителей благочестия» – не принимал отец Кирилл и схимы, подчиняясь тут давней лаврской традиции. Он и при здоровье своем относился к разговорам о схиме с простодушной улыбкой: дескать, какой, из меня схимник – целыми днями с народом, в суете. В этом простодушии опять же усматривалась его спокойная трезвость, его нежелание искать чего бы то ни было «высокого», исключительного для себя. Зачем? Что это может прибавить лучшего к тому, что уже получает человек, приобщаясь к Слову Божию?

Последние пять-шесть лет своих страданий батюшка уже практически не говорил. Но он не спешил покидать нас. Он принял свою болезнь как новое служение и, как послушный монах, продолжал нести возложенный на него крест.

Тяжелые недуги, как правило, обнажают не самые приглядные стороны человеческой личности, но в случае с отцом Кириллом они оказались бессильны отыскать в нем хоть какой-то изъян. Мы так и не услышали от батюшки ни слова ропота, ни стога самозаложения. Покуда у него еще были силы – он подбадривал нас доброй шуткой и, как мог, выражал заботу о тех, кто ухаживает за ним.

Как текла его жизнь в простоте, любви к людям и преданности Христу – так и продолжала течь. Наверное, он все еще терпеливо ждал, когда мы окрепнем. Когда Слово Божие станет и для нас единственной безоговорочной вневременной ценностью.

Время его освобождения приближалось...

Он ушел тихо и скромно... Как жил, так и ушел. Великопостные дни растворили в своих глубоких богослужебных переживаниях скорбь нашей человеческой потери. И в этом также есть что-то закономерное, так родственно перекликающееся с настроением батюшки, который никогда не хотел заслонять собою главное для приходящих – Господа Спасателя.

СОБЫТИЯ. ЛЮДИ. ФАКТЫ

КАЛЯЗИН

11 и 12 февраля в Калязине состоялась научно-практическая конференция Международной общественной организации «Русское собрание». 13 лет как «Калязинские чтения» становятся площадкой, объединяющих людей из разных регионов, не равнодушных к судьбам нашего земного Отечества.

Незадолго до конференции, Президент России В.В. Путин дал старт в Москве Году единства народов России. Поддерживая на-

чинание Президента, в Калязине и была проведена встреча на тему «Государствообразующий русский народ и единство народов России».

На конференцию прибыли гости из Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, Адыгеи, Твери, Нижнего Новгорода, Ярославской, Владимирской и Московской областей. С приветственными словами к собравшимся обратились глава Калязинского округа Константин Ильин, председатель «Русского

собрания», главный редактор интернет-портала «Русская народная линия» Анатолий Степанов.

Почетными гостями мероприятия стали Вячеслав Остапчук – председатель Центрального Совета Движения «Россия Православная», Сергей Бабурин – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ и Аскарбий Аджигиреев – председатель Совета старейшин коренных народов России и Евразии из Майкопа.

Более 30 участников конференции выступили с докладами, сообщениями, поднимая серьезные вопросы будущего русского народа и нашего Отечества, народосбережения, воспитания. По итогам чтений будет подготовлена резолюция для направления в высшие органы власти по самым актуальным вопросам сбережения государствообразующего русского народа, поддержки малых городов и сельских территорий – как основы всего нашего Отечества.

В честь проведения Калязинских чтений в зале Дома культуры состоялся торжественный историко-патриотический вечер «Государствообразующий русский народ и единство народов России», на котором председатель Центрального Совета Движения «Россия Православная» В.В. Остапчук по ходатайству главы Калязинского округа К.Г. Ильина вручил медаль «За жертвенное служение» Д.А. Осипову – индивидуальному предпринимателю Калязинского округа, волонтеру, на протяжении многих лет оказывающим серьезную поддержку военнослужащим, постоянно принимая участие в сборе и отправке на передовую гуманитарных грузов для участников специальной военной операции.

БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

23 февраля, в День защитника Отечества, заместитель главы Всемирного русского народного собора, председатель Наблюдательного Совета Движения М.М. Иванов поздравил бойцов и офицеров, несущих вахту на рубежах Русского приграничья.

«Для России 23 февраля – это не просто дата в календаре. Это день, который обнажает самый стержень нашей национальной идентичности, – подчеркнул в своем обращении М.М. Иванов. – Вся многовековая история нашей страны – это летопись защиты. Мы никогда не жили ради захвата, мы всегда жили ради сохранения своей веры, своих рубежей, своего права быть собой.

Служба на границе всегда считалась делом самых стойких. Но сегодня это служение обрело особый, сакральный смысл. Наши бойцы не только отражают внешние угрозы, защищая каждую пядь родной земли, но и обеспечивают общественный порядок, становясь надежным щитом для мирных граждан. Ваша бдительность – это спокойствие наших матерей, жен и детей.

В вашем служении я вижу высшее проявление соборного духа нашего народа. Быть защитником – значит быть готовым ежесекундно жертвовать собой ради ближнего.

Сегодня фронт и тыл едины как никогда. Здесь, на приграничных рубежах, это единство ощущается особенно остро. Каждый инженер, каждый волонтер, каждый житель приграничья молится за вас и верит в вашу стойкость.

Дорогие наши воины! Благодарю вас за мужество, за верность присяге и за тот незримый, но великий подвиг, который вы со-

вершаете ежедневно. Пусть Господь хранит вас на каждом шагу, а Покров Пресвятой Богородицы оберегает от всех стрел вражних.

Крепости духа вам, верных товарищей и скорейшей победы! Помните: за вами – вся Россия, за вами – правда, а значит – и Бог!»

РАССКАЗОВО

15 февраля исполнилась 37 годовщина со дня окончания афганской войны – героической и трагической страницы в истории нашего Отечества. В этот день в городе Рассказово прошел митинг, посвященный Дню памяти россиян, исполнявших воинский долг за пределами Отечества. В митинге приняли участие представители администрации города, депутаты Рассказовского городского Совета народных депутатов, депутаты Тамбовской областной Думы, ветераны боевых действий, представители общественных организаций, юнармейцы и жители города.

Председатель Тамбовского областного отделения Движения «Россия Православная», председатель Рассказовского городского Совета народных депутатов Сергей Алексеевич Свистунов в своем выступлении отметил, что проводимое мероприятие – это дань

уважения и глубокой благодарности тем, кто с честью выполнил свой воинский долг.

Завершился митинг возложением цветов к памятнику воинам-интернационалистам и минутой молчания в память о погибших.

МОСКВА

19 февраля в Зале Церковных Соборов кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве Святейший Патриарх

Московский и всея Руси Кирилл возглавил торжественную церемонию открытия Патриаршего международного фестиваля спортивных единоборств и боевых искусств «Кубок равноапостольного Николая Японского», посвященного 190-летию со дня рождения святителя Николая Японского.

На торжественной церемонии открытия присутствовали представители государственной власти, руководители Движения М.М. Иванов, С.В. Смирнов и В.В. Остапчук, военнослужащие-участники СВО, представители силовых ведомств, общественных и спортивных организаций.

К участникам церемонии обратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Отмечая высокий вклад фестиваля

в укрепление духовных и культурных связей между людьми, Его Святейшество отметил, что «спорт может действительно помогать современным молодым невоцерковленным людям, при правильном участии Церкви –

понять ее позицию. А Церковь должна вдохновлять и помогать им отсеивать все то, что разрушает их душу и тело, и поддерживать все то, что их душу и тело создает. Вот здесь и заложена мировоззренческая осно-

ва взаимодействия Церкви и здоровых сил в спорте, которые связывают свою деятельность с улучшением здоровья нашего народа, с воспитанием воли, силы и всех жизненно необходимых положительных качеств».

КУРСК

21 февраля делегация Движения «Россия Православная» в составе председателя Центрального Совета Вячеслава Остапчука, председателя Курского областного отделе-

ния Движения Олега Гусарева, председателя Курского регионального отделения Общероссийской организации «Офицеры России» Андрея Горбачева и волонтеров благотворительного фонда «Доблесть» города Каширы

Московской области в преддверии праздника дня «Защитника Отечества» посетили с гуманитарной миссией подразделение Вооруженных Сил в Курском приграничье.

В рамках поездки участники делегации

поздравили военнослужащих с предстоящим праздником и передали нашим бойцам, участвующим в специальной военной операции гуманитарную помощь, а также иконы Курской-Коренной Божией Матери «Знамение» – как молитвенное благословение и символ духовной поддержки.

От имени «России Православной» и «Офицеров России» военнослужащим были вручены награды за мужество и доблесть.

Подобные акции укрепляют дух наших защитников и напоминают о том, что их подвиг не остается без внимания и поддержки со стороны всего народа.

Движение «Россия Православная», «Офицеры России», волонтеры благотворительного фонда «Доблесть» города Каширы продолжают оказывать помощь военнослужащим и мирным жителям, следуя традициям милосердия и патриотизма.

БЕЛГОРОД

В преддверии Дня защитника Отечества представители Белгородского областного отделения Движения «Россия Православная» приняли участие в награждении бойцов Народной дружины «ОПОЛЧЕНИЕ 31», стоящих на страже безопасности Белгородчины, проявляя мужество и истинный патриотизм.

В мероприятии участвовала сенатор РФ, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации ФС РФ по социальной политике Ж.Ю. Чефранова, которая вместе с активом Движения вручила бойцам ополчения Благодарственные письма и подарочные сертификаты в ознаменование их ратного труда и верности долгу. Ж.Ю. Чефранова вручила также Благодарственное письмо Совета Федерации председателю Белгородского отделения Движения. Это высокая оценка – заслуга всего актива и участников отделения Движения, трудящихся на благо Отечества, поддерживающих духовные и патриотические ценности.

Поздравляем всех защитников с наступающим праздником! Ваша крепость духа – опора России.

– Когда я училась в институте, нас возили в колонию общего режима. И, знаешь, я бы ученикам десятых и одиннадцатых классов, а лучше – восьмых и девярых, устраивала бы туда экскурсии. Это была бы великолепная профилактика преступности. Мы находились там всего один день. Но когда я вышла, я сказала одну фразу: «В этом мире невозможно совершить ничего, чтобы провести там хотя бы неделю». Настолько для меня было катастрофическим, что люди там живут.

Наталья. До этого момента я знала ее как многодетную маму, православную жену и певчую на клиросе. А оказалось, что когда-то она работала следователем. «В лихие нулевые», – как она сказала.

«ДАЖЕ В ПОСЛЕДНЕМ ПРеступнике БОГ ВИДИТ ДУШУ»

Если честно, я всегда хотела написать какой-нибудь материал об уголовных делах. Даже не потому, что люблю всякие детективы – и почитать, и посмотреть фильм. Да что там – люблю. Обожаю!

Но мне кажется, что иногда самое интересное и важное совершается как раз потом, когда дело раскрыто. В душах преступников.

– Колонию можно отдаленно сравнить с адом, – говорила мне Наталья. – Это как богооставленность. Но, парадоксальным образом, люди иногда и там Бога обретают. Господь завалил абитуриента, который все знает, – спроси, сколько погибло во Второй Мировой войне, и попроси назвать всех поименно». В общем, набирали «кого надо». А родители мои денег не имели, чтобы меня пропихнуть. Но они тоже не сидели сложа руки. Отец у меня – полковник медицинской службы. И один его знакомый сказал: «Есть у меня друг, он работает в каком-то юридическом институте. Пусть Наташка туда попробует сдать». Так и сделали. о сдавали мы не историю, а Основы истории государства и права. Это предмет, который мы потом проходили весь первый курс. Но я очень серьезно готовилась. В итоге, из той группы поступили все. Потом я узнала, что там тоже были не только медалисты, но и троечники. Но самое забавное было потом. Поступили, я: «Ну, все, до сентября!» – «В смысле – до сентября? Сейчас у вас будет курс молодого бойца». «Чего???» – «Читайте название: "Институт МВД". МВД! Вы – будущие следователи». И это был шок. Из нас об этом, оказывается, знали единицы. На самом деле, мы были только вторым набором. Нам выдали форму, отправили маршировать по плацу. Я поняла, куда попала, но было поздно.

А еще, оказывается, иногда не все так просто и однозначно, как в кино. И сидят иногда не так чтобы очень виноватые. По крайней мере тогда, 25–30 лет назад. Хотя и говорят, что наказания без вины не бывает.

А бывает, что и виноват человек, а что с ним делать – вопрос. Даже для следователя.

– Я одну девочку до сих пор помню, хотя больше двадцати лет прошло, – говорила Наталья. – И лицо помню, и голос, взгляд ее. Я уже и на Исповедь ходила, каялась. Но все равно не могу ее забыть. И это двойное чувство. Я не знаю, что бы я сделала сейчас, будь я до сих пор следователем. Может, поэтому Господь меня оттуда и увел. Я не смогла в той системе. По крайней мере какой она была 25–30 лет назад. Как сейчас там, я не знаю.

Да... Следователь, закон и христианство – тоже очень интересная и сложная тема. И всегда хотелось побольше об этом узнать. И вот, мне Бог послал Наталью. Или заново открыл.

– Ну, по теме «следователь и христианство» я мало могу сказать, – призналась она. – Я пришла к вере гораздо позже. Но, вообще, Господь так управляет нашей жизнью, что ничего не бывает зря. И все, что нам дается, – это для того, чтобы мы в итоге стали пригодными для Бога. Чтобы у нас отросли соответствующие «органы», чтобы душа выросла, сострадание, милосердие, чтобы у нас выросла любовь. Нетерпимость ко всякой лжи. И в этом смысле, да – тот опыт бесценен.

ХОТЕЛА БЫТЬ АДВОКАТОМ, А СТАЛА СЛЕДОВАТЕЛЕМ

А следователем Наталья стала, можно сказать, случайно.

– Когда мне было 14, я по телевизору в новостях увидела сюжет, как шестнадцатилетнего парня посадили за то, что он укукошил отчима, который избивал его мать. Мне так было его жалко! Потому что по какой-то подростковой справедливости я понимала, что он прав. Гада-отчима действительно надо было прибить. И мне очень захотелось стать адвокатом, чтобы защищать таких, как тот мальчишка. Такая романтика. Я тогда не понимала, что адвокаты часто защищают совсем других людей. Это как в фильме «Адвокат дьявола». Его самого тошнит от тех, кого ему приходится защищать.

Школу Наталья закончила с медалью и решила дальше получить юридическое образование. Но туда, куда она хотела, пройти тогда было очень сложно.

– Это были времена, когда списки поступивших были готовы раньше результатов, – вспоминала она. – Но тогда медаль давала право поступления с одним экзаменом.

ном. На юридический – это был экзамен по истории. А у нас ходила такая шутка: «Хочешь завалить абитуриента, который все знает, – спроси, сколько погибло во Второй Мировой войне, и попроси назвать всех поименно». В общем, набирали «кого надо». А родители мои денег не имели, чтобы меня пропихнуть. Но они тоже не сидели сложа руки. Отец у меня – полковник медицинской службы. И один его знакомый сказал: «Есть у меня друг, он работает в каком-то юридическом институте. Пусть Наташка туда попробует сдать». Так и сделали. о сдавали мы не историю, а Основы истории государства и права. Это предмет, который мы потом проходили весь первый курс. Но я очень серьезно готовилась. В итоге, из той группы поступили все. Потом я узнала, что там тоже были не только медалисты, но и троечники. Но самое забавное было потом. Поступили, я: «Ну, все, до сентября!» – «В смысле – до сентября? Сейчас у вас будет курс молодого бойца». «Чего???» – «Читайте название: "Институт МВД". МВД! Вы – будущие следователи». И это был шок. Из нас об этом, оказывается, знали единицы. На самом деле, мы были только вторым набором. Нам выдали форму, отправили маршировать по плацу. Я поняла, куда попала, но было поздно.

Но на самом деле, я до сих пор благодарна своей Альма-матер. Нам давали пре-

красное образование по всем направлениям, фундаментальное! А это был очень сложный период для нашего государства. Менялся Гражданский кодекс, менялся Налоговый кодекс, все вообще кодексы. А мы учились в момент принятия законов. Но нам лекции по каждому предмету читали профи. Практики, которые работали в этом. У нас, например, был предмет «Судебная медицина». И нам по каждой теме читал лекции специалист высокого класса. Если это была психиатрия, к нам приходил эксперт, который сам проводил психиатрические экспертизы. Если это была гематология, к нам приходил гемато-

лог. И так далее.

Ну, а если с другой стороны посмотреть, то это мое поступление в системный ВУЗ было промыслительным. И хотя до моего воцерковления были еще годы и годы, Господь меня уже как-то вел, заботился обо мне. Это же были 1994–96 годы. Чеченская война. Не платили в стране никому. Папа был уже тогда военным пенсионером. Пенсии он не получал. Мама была бухгалтером в школе, и им там тоже не платили по полгода. А всей системе МВД платили. Потому что ребят из внутренних войск, которые входили в систему МВД, отправляли в Чечню. И нашим парням объявили, что их тоже могут забрать. Но никого в итоге не забрали. Но суть в том, что всем нам платили. Потому что если не платить деньги тем, кто в Чечне кровь проливает или будет проливать, то это вообще... У нас была стипендия. Это были единственные деньги, на которые жила моя семья. Так что – слава Богу за все.

ЗАПАХ НЕВОЛИ

Из того студенческого времени очень ярко и на всю жизнь запомнила Наталья поход в колонию – в рамках обучения.

– Там я очень остро почувствовала запах неволи, – рассказывала она. – А это была колония образцового содержания. Там очень хорошо относились к заключенным. Были нормальные условия. Они могли спокойно

передать. Свободный. А там я почувствовала кожей запах неволи. И глаза... Я не могу тебе передать... Даже у сотрудников выражение глаз другое. Они тоже там сидят. Они, может, и сами не понимают, но это так. Это было очень тяжелое впечатление. Я приехала оттуда и 2 часа мылась в душе. Не могла с себя содрать этот запах. Мне казалось, что я им пропиталась до печенок. Что я насквозь пахну этой неволей. А я не могу сказать, что я очень впечатлительный человек. Особенно в 20 лет была – палец в рот не клади. Но эта колония меня просто потрясла.

А еще Наталья потрясла встреча, которая там у нее произошла. Их познакомили с молодой заключенной и разрешили с ней поговорить. Она была осуждена на 13 лет.

– Ей было уже 26. И на тот момент она отсидела 8. То есть села она в 18, – рассказывала Наталья.

«ПРОСТИТЬ ПРЕДАТЕЛЯ – ЭТО ВЕДЬ ТОЖЕ ЕВАНГЕЛИЕ»

Это была совершенно адекватная девушка, начитанная, умная, с прекрасным чувством юмора. Симпатичная, обаятельная. И все недоумевали, как такой человек мог здесь оказаться.

– За что ты здесь? – спросили ее студентки. – За убийство. – Кого ты убила?! За что?! – А я никого не убивала. – В смысле? – Я влюбилась.

...Ей не было еще восемнадцати, а ему – столько, сколько ей на момент встречи с Натальей, – 26. Красивый, харизматичный, на крутой машине, направо и налево сорил деньгами. Герой из кинофильма.

– И, знаешь, как бывает, хорошие девочки влюбляются в хулиганов, – говорила мне Наталья. – Вот и она тоже. Хорошая девочка, умница, отличница – влюбилась в хулигана. Он оказался бандитом и с бандой своей кого-то прибил. И когда они почувствовали, что их вот-вот возьмут, он подтянул ее и сказал: «Возьми все на себя. Тебе нет восемнадцати, тебя не посадят». 18 ей исполнилось чуть позже. А она, дурочка, повелась. Открой УК и прочитай. Ответственность за убийство наступает раньше. Их повязали, она пришла, взяла все на себя. Они все подтвердили: «Да-да. Это она, она. Несколько человек завалила, неужели по ней не видно?» Время, повторю, было какое... Бывало, вообще не разбирались. Ну, прибила, пришла – молодец, хоть и дура. Зато дело закрыли.

Когда она поняла, что ей дали реальный срок, конечно, была в шоке. «Почему ты промолчала? Ты же в зале суда могла сказать, что это не ты», – спросила я. – «Я его очень любила». Для меня это было просто потрясение. Ты слышишь: «13 лет», – и ты киваешь головой. Он, конечно, обещал вытаскать, сулил золотые горы, а потом, естественно, пропал. «Как ты это пережила?» – «По-разному, бывало и очень больно. Но сейчас, спустя 8 лет, я могу сказать, что я его простила». Она его простила, Лен, понимаешь?!

Наталья рассказывала, что та девушка была в колонии на очень хорошем счету. Она занималась всеми социальными проектами. Это она устроила мамам комнату для встреч с детьми. Она ходатайствовала, чтобы открыли храм.

– Она скоро должна была выйти по УДО. И администрация даже переживала – когда она освободится, кто всем этим будет заниматься. И еще. Все ходили в «чехлах» (эти серые халаты) и косынках, она была в своей одежде – джинсы, кофточка. И без платка. Сказала, что ей разрешают. И руководство подтвердило: «Она заслужила». Представляешь, какие судьбы? Да любое уголовное дело – это судьбы людей. Знаешь, как говорят: «Ой, там быдло сидит за решеткой». Никогда! Ни к одному обвиняемому, когда я работала, я не относилась как к быдлу. Это – чаша Божия, какое бы оно ни было. Тогда я в церковь не ходила, повторю. Но, наверное, я это чувствовала.

И еще. Мы потом с мальчиками, которые ходили в мужскую колонию (там все строже, конечно, они вышли, как будто придавленные бетонной плитой), обменивались впечатлениями. Знаешь, какие самые зачитанные книжки в библиотеках там? «Преступление и наказание» Достоевского и Евангелие.

...А я слушала эти все и думала. Простить предателя, как та девочка, осужденная на 13 лет за не совершенное ей убийство, – это ведь тоже Евангелие. Здесь и сейчас.

«КО ВСЕМ НУЖНО ОТНОСИТЬСЯ КАК К ЛЮДЯМ»

Любовь. Чего только не делают ради нее. Или не любовь это, а страсть? Но страсть не позволит простить. А если это настоящая любовь, то почему Господь допустил полюбить такого недостойного? Сложно все, конечно...

Наталья рассказала еще одну историю – из своей уже профессиональной практики. Но она не столько про любовь, сколько про подростковую влюбленность и глупость, из-за которых можно сломать себе жизнь. И про то, что иногда преступниками становятся случайные люди. Не как та девушка в колонии, конечно. Но и не совсем пропащие.

– Очень мне это дело запомнилось, – говорила Наталья. – Группа подростков обнесла пивной ларек. Девочка и несколько мальчиков. Он был на охране, приехала милиция. А девочка была у них за главара. У меня на имена и фамилии память никакая, но эту я до сих пор помню. Потому что на ней клейма негде ставить было. 16 лет, оторва. Все прошла – огонь, воду и медные трубы. Уже привлекалась, была условная судимость, состояла на учете. Пацаны с ней такие же, как она, – прожженные. Ну, и все. Кража группой лиц по предварительному сговору – возраст ответственности понижается, реальный срок. Но один из мальчиков очень выбивался из этой группы. Какой-то он был тихий, домашний. Ну, случайный человек, как ни крути. Прибежала мама, прибежала адвокатша. Смотрят на меня – молодая девка, 20 с копейками. Мне адвокат потом сказала, что думала, что начну сейчас парня топить. А я – наоборот. Начала с этим мальчиком работать. С мамой работать. С адвокатом работать. Выяснить – как он в это дело вляпался.

Наталья узнала, что мама этого мальчика работала сутки через трою – в психдиспансере. Когда она уходила на смену, с ним оставалась бабушка. Та была очень пожилой и особо внука не контролировала. А ему было 15 или 16 лет. Самый возраст для приключений.

– В итоге, он связался с этой компанией. А девица та, которая главарь, – такая яркая, крупная. Волосы длинные, пшеничные. Красавица-девка, – рассказывала Наталья. – Он увидел – и поплыл. Забыл все на свете – только она, эта девчонка. И он за ней – куда угодно. В огонь? В огонь! В воду? В воду!.. Пользуясь этим, она его и потащила в тот ларек: «Весело же, сейчас пива попьем». Поставила его на стреме, а сама пошла с теми двумя, такими же, как и она. Там их всех и повязали. Мама того мальчика с адвокатом собрали кучу справок с ее работы, какая она вся положительная. С места его учебы – какой он там замечательный. В итоге, парень отделался легким испугом. Полгода условно или что-то такое. Но я маме его сказала: «Вы должны понимать, что в этот раз вам повезло. Мог бы быть другой следователь, могла бы быть другая ситуация, могли бы всех под одну гребенку. Пожалуйста, следите за ним. Если он влетит во второй раз, он сядет». Мама все поняла. Но пацан, правда, хороший.

А с девчонкой у меня был совсем другой разговор, конечно. У них еще был адвокат такой... с почти нецензурной фамилией. Ему подходила. А я была беременна. И у этого адвоката была цель – меня вывести из себя. Он даже шел на подлости. Цинично себя вел, ко всему придирался. Тут нужно понимать, что я с той девчонкой не могла говорить без психолога, без педагога, без адвоката. Там целый консилиум против меня сидел. А ему то это не нравилось, то то. Доводил меня до ручки просто. «Зовите начальника следственного отдела! – говорит. – Я буду с вами разговаривать только при нем». Передо мной лежало это уголовное дело. И я, на автомате... Помнишь «Место встречи изменить нельзя»?.. Я встаю, закрываю дело, кладу в сейф, запираю, уношу ключ с собой. И когда прихожу, по разочарованному виду адвоката понимаю, что он хотел его... спереть. И тогда меня бы растерли в порошок. В итоге девочка получила реальный срок. Два ее подельника – тоже.

Из того дела Наталье очень запомнился один момент. Как я уже писала, мама того домашнего мальчика работала в психдиспансере. И, слово за слово, она сказала:

– Там у нас находятся не люди.

Больные, в смысле, – не люди.

– Как – не люди? – удивилась следователь.

– Вы не видели их, это действительно не люди.

– Я тогда была просто в шоке, – призналась Наталья. – Сидела и думала: «Вот, я сейчас твоему сыну пытаюсь помочь, который, по большому счету, преступник. Хотя и случайный. А ты сама кого-то за людей не считаешь». Ко всем нужно относиться как к людям! И к тем, кто преступил закон, и к тем, кто болен. Каждое уголовное дело – это судьба человека, я уже говорила, и сто раз еще повторю. И болезнь, наверное, тоже.

«ЭТО БЫЛИ ДЛЯ МЕНЯ ЗАЧАТКИ ХРИСТИАНСТВА»

Наталья работала следователем не очень долго. Пока не родила свою старшую дочь. Отсидела дома декрет, а потом уволилась.

– У меня возник ряд ситуаций по моим уголовным делам, которые я не хотела бы пережить еще раз, – говорила она. – Первое – приходилось ходить в камеру к людям, зараженным разными заболеваниями. Там был и гепатит, и ВИЧ, и туберкулез в открытой форме, и все, что хочешь. Потом, возвращаясь домой, все с себя снимаешь на пороге, кладешь в пакет, потом – в стиралку и на 90 градусов. А сама – в душ! Мыться и драить-ся в горячей воде. И ладно, если я прихожу домой, где нет детей. Но другое дело – ты все это на себя нацеплял – и идешь домой, где у тебя маленький ребенок. Это одна из

ние сразу бы закрыли, а молодую женщину могли отпустить под подписку. Я говорю: «Я требую обращения к вышестоящему». Прорвалась к прокурору, и он ее арестовал. Даже опера были в шоке, думали: все, солется девка. Так что все получилось хорошо. Но есть одна вещь, которая меня все эти годы мучает.

Наталья вспоминала, как пришла в камеру к этой сбытчице наркотиков – подписывать постановление об аресте. А у той как раз началась ломка, потому что она и сама была наркоманкой.

– Ломка – это очень страшно. Все думают: «Ой, они там колотятся, чтобы кайф получить». Ничего подобного! Кайф они получают первый, максимум – второй раз. Потом они это делают, потому что без наркотиков у них выламывает кости из суставов. Вся кожа на них горит. Это адское состояние. И доза делает их нормальными, а не чтобы кайфануть. И дозировка увеличивается, потому что перестает помогать. В итоге – у них получается доза, несовместимая с жизнью. И вот, я прихожу.

Эта девка, бедная, беременная, с гепатитом, – ее уже колбасит. Она кидается ко мне: «Вы меня отпустите, вы меня отпустите?» Я на опера смотрю, а он: «Да, да, да, ты подписывай. Подписывай». И я понимаю всю чудовищную ложь, которая происходит. Мне они сказали, что ее нужно арестовать. А

причин. Но, главное, были очень тяжелые ситуации. Девчонка та, например, которую я забыть не могу. Я дежурила, когда притащили наркоманов. И, помимо всякого разного, взяла настоящую сбытчицу.

К Наталье тогда подошли оперативные сотрудники и сказали:

– Мы полгода ее пасли. Мы ее практически раскрутили, почти уже вышли на наркоролей. И если вы ее сейчас не арестуете, а отпустите под подписку, она выйдет и сразу всем все прокукарекает. И сама исчезнет. И мы уже никого не возьмем. А здесь она нам очень поможет.

– Я кивнула и поехала в прокуратуру, – рассказывала Наталья. – 25 лет назад был такой порядок. Сейчас арестовывает суд, а тогда подписывал все это дело прокурор. Мой куратор, к которому я должна была обращаться, была женщина – зампрокурора. И она мне категорически: «Я женщину арестовывать не буду!» Адвокат там же – подсутился уже: «А вы знаете, что она беременна? Вот справка – полюбуйте. Ее нельзя арестовывать». А я не знала. Потому что справку он принес не мне, а в прокуратуру. Но я тогда была молодая, амбициозная, жесткая. Эта высшая справедливость, знаете. Я говорю: «Я знаю, что она болеет гепатитом В. Потому что медкарта уже у меня. И, зная, что для ребенка это смертельная история, она беременеет и бравирует этим. А когда она кололась, она думала вообще о своем ребенке?» Прокурор – ни в какую. Тогда вообще было снисходительное отношение к женщинам. Мужчину за такое же преступле-

ей – что если она все расскажет, я ее отпущу. А я была не в курсе. Я смотрю на нее – и сказать ничего не могу. Просто молчу. Она: «Где? Где подписать?» Я ей тыкаю пальцем, она подписывает – подписывает свой арест. Я ей читаю: «В соответствии со статьей, трали-вали. заключение под стражу». Она на меня смотрит. Вот ты видела людей, которые испытывают шок? Когда человеку, например, говорят: «У вас онкология, четвертая стадия, вам осталось жить 2 недели». Примерно это у нее на лице было. Закрываю дело, ухожу. Я потом на опера орала в отделе, как потерпевшая. Не потому, что я ее посадила, хотя даже прокурорша этого не хотела. А потому, что я оказалась втянута в такую ложь. Она думала, что я ее отпущу, а я ее посадила. Я не знаю, что с ней дальше случилось, но ребенок там не сохранился, сто процентов. Ну, какая беременность при таком состоянии. Там и ломка, и гепатит, и все на свете. Ну, а я-то здесь при чем? Но все равно... Эта ситуация меня очень сильно выбила из колеи. Я до сих пор не знаю, права я была или нет. Этот вопрос без ответа. Что я в той ситуации должна была сделать? Я состояла в определенной должности. Следователь устанавливает объективную истину по уголовному делу. Чтобы установить объективную истину, надо было, чтобы этот человек был изолирован от общества. Чтобы ребята-опера могли сделать свою работу. Но вранье-то... Она верила, что я ее отпущу. А я ее посадила. Я не могла ее отпустить, должна была закрыть. По долгу службы. Но она верила, что я ее отпущу.

Это трагедия, понимаешь? Но это были для меня зачатки христианства. Я верующей тогда не была. Но это уже было покаяние. И тогда, и все 25 лет. Все эти годы лицо этой девочки стоит перед глазами. Глаза ее, волосы, какая она грязная была, лохматая. Как ее трясло.

Знаешь, я сейчас перечитываю Шекспира. Леди Макбет никак не могла отмыть свои руки. Когда они убивали короля Шотландии, она сказала: «Вымой руки, и все, не будет никакой крови». Но потом Божий суд входит в ее жизнь. Она лишается разума и лунатит по ночам – трет свои руки: «Это пятно». Леди Макбет не могла отмыть руки. Пилат не смог. Потому что настоящим омовением является покаяние. Но моя ситуация... Руки-то отмыты, а память остается. Помнишь, в молитве Богородице: «Избави меня от многих и лютых воспоминаний». Уже и покаяние принесено, и Господь простил, но воспоминания очень болезненны. Никак не могу смыть с рук это пятно. И раз за разом мысленно к ней возвращаюсь. 25 лет.

«ПРАВДА ТОЛЬКО В БОГЕ, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ВСЕХ»

Наталья молчит, потом опять начинает говорить о той девушке.

– Знаешь, с одной стороны, я понимала, что не я виновник той ситуации. Не я посадила ее на наркотики, не я заразила ее гепатитом. Не я сделала ее беременной. И не я ее взяла с поличным. Эта девочка угробила свою жизнь задолго до того, как рядом с ней появилась я. И Бог знает, как сложилась бы ее судьба, если бы ее не арестовали. И Бог знает, как она сложилась потом, после ареста. Хочет верить, что Господь и ее к чему-то привел. И я исповедовалась, покаялась. Но, с другой стороны, а девочке от этого легче, что ли, стало? Ей-то что от того, что я исповедовалась. Ее лицо-то... Жаль ее до слез. И вот, я все думаю-думаю... Зачем мне все это? Наверное, чтобы понять, что мир несовершенен, и мы несовершенны. Правда – только в Боге. Который любит ВСЕХ. Потому что в нашей человеческой жизни все может смешаться. И я детям своим эту ситуацию рассказываю, как назидание. Что ты можешь совершить поступок, который ты себе потом два десятка лет не можешь простить. И при этом все неоднозначно. Девчонку обманули. Но наши опера раскрутили огромный наркотический клубок. И спасли огромное количество мальчишек и девчонок от подсадки на наркотики. Кто прав? Это все такое тонкое и такое глубокое.

Вот, когда Ветхий Завет читаешь, ту историю Иакова, Рахили и Лии... Он женился не на той, на ком хотел. Хотел на младшей сестре, а за него обманом выдали старшую. Возможно, это его воздаяние. Он обманул старого ослепшего Исаака и похитил отцовское благословение у Исава, своего брата-близнеца. И убежал. Кто прав, кто виноват в этой ситуации? У младшей сестры своя правда, у старшей – своя. У него – своя. Господь исходил из того, кто обижен. Обижена была младшая сестра. К старшей Иаков не испытывал никаких чувств. Она это понимала и страдала от нелюбви. Это было, наверное, ее уже воздаяние, что стала соучастницей обмана. Потом он женился на младшей. Они были счастливы. Кто прав? А кто знает? Господь на стороне обиженного. Теперь была обижена старшая. И Господь стал давать ей детей. Иаков переметнулся от младшей. Кто прав? Непонятно. Но Господь теперь на стороне младшей и дает ей ребенка. Иаков опять переметнулся к младшей. Старшая страдает, младшая умирает. И он рыдает всю оставшуюся жизнь. Где выход? А его нет.

Вот, и в той моей ситуации выхода нет. И Господь ту девочку жалел. И я думаю, что Он ей помог. И меня Господь любит и жалеет. И тех, кто вне наркотической схемы, Господь любит и жалеет. И оперов любит и жалеет. Ой, об этом можно бесконечно говорить. Вообще, работа в органах, веришь ты в Бога или нет, – это глубокая история. Остаться человеком, сочувствовать падшим – это уже путь к христианству. Это уже «отрачивать» органы для Царства Небесного. Ну, и тема колонии, тюрьмы, преступления и наказания – глубочайшая христианская тема. Такой огромный пласт жизни.

«ОТ СУМЫ И ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ»

Я вспоминаю, как Наталья говорила, что экскурсии в колонии для школьников были

бы прекрасной профилактикой преступности. И мы начинаем рассуждать о том, например, достаточно ли знания Уголовного кодекса для того, чтобы не совершать противоправных поступков. Или этого мало? И нужна вера. И только она, на самом деле, может уберечь от преступлений.

— Мне кажется, что очень многое проистекает из того, что с детьми не говорят о Боге, — считает Наталья. — Это, как когда-то сказал отец Димитрий Смирнов: «Если бы Евангелие изучали в школе, его потом не приходилось бы изучать на зоне». Но надо говорить и о том, и о том. И о законе, и о Боге. Что нарушение закона, уголовного или духовного, — это никакая не свобода, а причинение вреда самому себе. Заповеди Божии говорят: «Не причиняй вред своей душе. Не делай того и того». Уголовный закон говорит: «Не причиняй вреда себе, не порти свою жизнь, не делай того, того и того. Будешь наказан, у тебя жизнь пойдет под откос». И, кстати, выполнение человеком заповедей способствует душевному комфорту окружающих его людей. «Спасись сам, и тысячи вокруг тебя спасутся». И их материальному благополучию — тоже. В уголовном законе это ярче выражено: «Не делай то-то, не вреди другим».

Но Бог важнее! От Него все взяло свое начало. Безусловно, первичны заповеди Божии. Потому что я не могу представить ни одного святого человека, который совершает преступление. При этом — нет никаких гарантий. Вот такой парадокс. Пути Господни неисповедимы, как говорится. И у нашего мудрого народа есть пословица: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Это настолько правильно! Чтобы получить срок, не нужно идти в банк с пистолетом — грабить. Можно по неосторожности сбить кого-нибудь. А человек не хотел. Он, может, ехал и думал, как сегодняшнего дня начнет праведно жить. Так что — что там от чего может уберечь, один Бог знает.

У меня одно время был начальник. Интеллигент, интеллектуал, человек, знающий несколько языков. Мудрый, рассудительный. Никто и никогда не слышал от него грубого слова. Настоящий русский офицер, слово «честь» — это про него. И кому-то понадобилась его должность. А 25-30 лет назад, опять же, сама знаешь, как было. Ему об этом прямо и сказали. А он ответил: «Вы извините, я не вижу для себя оснований уходить с этой должности». И был адвокатишка, свой в доску, который подстроил якобы дачу взятки. Хотя там не было ничего. Тут же ОМОН. Ну, и все. Он давно на свободе, но, вот, и такое было. И такое было — с благородным, кристально честным человеком. Зачем? Не знаю. Но никаких гарантий нет. Но я верю, что Господь все всем воздаст — если не в этой жизни, то в Той.

Еще Наталья вспоминала, как однажды стала свидетельницей смертельного ДТП.

— И в этом не было никакой вины виновника, — говорила она. — Это была трагедия, которая разыгралась у меня на глазах.

В том месте находилось метро, проезжая часть, а за проезжей частью — трамвайная линия. И пешеходный переход — подземный. А перед светофором стояла неправильно припаркованная газель, которой не должно было там быть.

— Я была на трамвайной остановке и все наблюдала, — рассказывала Наталья. — Загорается красный свет светофора, останавливается машина. В это время из метро выходит бабулька. Грустная, с какими-то авоськами. Видит, что приближается трамвай, понимает, что по подземному переходу она не успевает, и сигает через дорогу. В это время загорается зеленый свет. Водитель машины из-за припаркованной неправильно газели эту бабульку не видит. Он начинает набирать скорость, и в этот момент старушка кидается к нему под колеса. Скорость была минимальная, но у меня до сих пор в глазах стоит салто — тапочки в одну сторону, персики в другую, бабулька в третью, кровинка, и все — насмерть. И эти белые лица у мужчины и женщины в машине я не забуду

никогда. Был вечер, 9.30 где-то. Но лето, светло еще. Люди те были красиво одеты. Ехали или на праздник, или с праздника. И эта бабушка с авоськами... Мужчина не виноват, но она-то погибла. И даже если его не посадят — жить с этим как? Секунду назад — добродетельный человек, счастливый, может, в храм ходил, алтарничал там. Раз — и вот уже убийца, хоть и невольный. Вот как Господь все определяет и для чего? Одна умерла под колесами, другие ехали на праздник, в театр. И все рушится за одно мгновение. Так что — да, ни от чего не зарекайся.

Но жизнь вообще непредсказуемая. Сколько я знаю сотрудников органов, у которых дети пошли совсем в другую сторону!.. Я сама очень этого боялась. Это рок какой-то: отец-мать в органах, а ребенок садится. Не каждый день, конечно. Но бывает. Или у учительницы — сын-двоечник. Мне кажется, что иногда это от осуждения. Когда человек с высоты своей профессии смотрит на других как на муравьев. Если человек так не относится, то Господь, возможно, и не даст ему такого урока. А так: «Тебе больно, горько, обидно, ужасно? Посмотри: ему тоже так было. Но ты отвернулся. Или презирал его». Я в этой связи ту маму мальчика вспоминаю,

которая в психдиспансере работала. Кому-то одного урока мало. Даже когда ее сына взяли на ограблении, она продолжала относиться к тем больным как к «нелюдям». Но, опять же, как говорится, не зарекайся.

«ТВОИ СРЕДСТВА ДОЛЖНЫ БЫТЬ НЕПОГРЕШИМЫ»

Но, вообще, на эти темы можно говорить бесконечно. Мы и говорим. День, два, три. Возвращаемся к тому, что Наталье самой оказалось сложно в той системе. И к тому, что это совсем не значит, что там не было и нет честных людей, которые могли и могут там работать.

— Тетя Галя. Сейчас она уже на пенсии. А тогда, в лихие 1990-е и нулевые, это был человек, который просто олицетворял собой честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, — говорила Наталья. — Вот, ты меня спрашивала про благородство в нашем деле. Так вот, тетя Галя — это про благородство. Никогда, ни при каких обстоятельствах она не поступалась совестью. Всю себя отдала работе, не создала семью, не родила детей, хотя сама была из многодетной. Она учила меня не только расследовать дела, но и помнить, что такое честь. И от оперов она требовала данных, которые собраны без нарушения нравственных законов. Потому что если ты участвуешь в таком деле, как отправление правосудия, твои средства должны быть непогрешимы.

Тут я опять мысленно к той девчонке-наркотикиерше возвращаюсь. Я всегда к ней возвращаюсь. Когда ты добиваешься нужных

вещей методами, противными совести, то это неправильно. Но это по-моему. Потому что вся система, по крайней мере тогда, была скроена так, что попробуй-ка докажи. Поэтому я для себя не нашла возможным там быть. А вот тетя Галя проработала там всю жизнь. Понятно, что в этой системе она не одна такая. Как говорят иногда: «Ой, ментура, там все прожженные». Нет, там много людей чести. Но и работать там очень сложно. 30 лет назад уж точно. Сейчас — не знаю, я уже давно не там. Помню одно ее дело.

Один преступный клан воевал с другим. Время было такое. И двум братьям из одного клана бандюки из другого клана отрезали уши. Что-то от них хотели, пришли ночью, пытали и отрезали. Причем одному — не сильно. А другому — прямо с внутренностью. И тетя Галя хотела, чтобы это квалифицировали как тяжкий вред здоровью. Консультировалась с экспертом, а тот сказал: «Вообще-то, отрезание уха — не тяжкий вред. Тем более слух не был потерян, даже несмотря на то, что очень глубоко все было».

Меня, если честно, очень сильно удивило, что отрезание уха — это «не тяжкий вред здоровью». Но Наталья объяснила, что тяжкий вред — это, например, обезображивание лица.

не выдерживали, потому что мужик всегда на работе. Ненормированный рабочий день, ни выходных, ничего. Тебя в любой момент могут дернуть. Тогда еще зарплаты были копеечные. И самое сложное в этом — остаться человеком. Тетя Галя осталась. Правда, и без семьи тоже. И она даже в члене ОПГ могла увидеть человека, если он им был. А ведь, опять же, чего только не бывает.

«ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕКА СПАСТИ»

Наталья вспоминала фильм, который она смотрела гораздо позже — уже после своего воцерковления.

— Он прямо про того, кто одесную Христа. Про настоящего разбойника. Он так и называется: «Разбойник». Человек был душегубом страшным. Убийцей, киллером. Его боялись и ненавидели даже такие, как он сам. Ему дали срок — 20 лет. И он заболел одновременно раком и диабетом. Не мог ходить. И было показано его преобразование. Его глубокое, искреннее, настоящее покаяние. Вплоть до того, что в колонии он принял монашество. Эта история меня потрясла. Я без слез не могла этот фильм смотреть. Это такой Промысл Божий о каждом человеке. Такая великая милость Божия и любовь. Нам к таким людям подойти омерзительно. А Господу — нет.

Наталья сама знает человека, который пришел к Богу на зоне.

— Молодой парень, 25 лет. Сейчас он — алтарник. А в колонии познакомился с батюшкой, начал ходить там в храм. И тот священник в колонии, зная, что на воле со справкой его куда-то на работу возьмут, написал письмо другому знакомому священнику: «Когда он выйдет, пристрой его куда-нибудь». Ну, этот батюшка «с воли» и взял его к себе. А потом, через год-полтора, парень нашел работу. Но в храме остался. Вот такая история.

А еще я как-то прочитала материал о священнике, который окормляет зоны. Как известно, у нас нет смертной казни, но есть пожизненное. И вот, батюшка этими людьми и занимается. Не знаю, как — там же очень строгий режим содержания. Но тем не менее. И вот, он говорил: «Первые 10 лет у этих людей уходит на то, чтобы доказать, что они не виноваты. Следующие 5 лет — на то, чтобы принять факт: "Да! Я осужден!" А дальше у тех, кто это принял, часто начинается покаяние: "Я сижу, значит, есть причина. Даже если я не совершал конкретно того, за что сижу, — так тоже бывает, — но я же и без этого чудил. И другое совершал". И я констатирую, что через 20 лет отсидки человека, который пришел к такому пониманию, можно выпускать. Он теряет общественную опасность. Он все понимает». Этого батюшку спросили, нужна ли, в итоге, смертная казнь. «Я не знаю. Но точно могу сказать, что многие люди, которые не были казнены, а были приговорены к пожизненному, в итоге покаялись. А если бы их казнили, я не знаю, что с ними было бы».

Я говорю Наталье, что если так, то, может быть, тюрьму, колонию можно сравнить с монастырем. И там, и там люди ушли из мира. Или их оттуда «изъяли». И там, и там — все, чтобы прийти к Богу. А многие люди (преимущественно нецерковные) утверждают, что монастырь — та же тюрьма.

— Колония и монастырь? Ну, ты даешь! — говорит мне Наталья. — Это как сравнить ананас с пингвином.

Монастырь — это теплица Господня, где Он выращивает любимейших Своих чад. Колония — это место, где собраны отверженные. Эти люди сюда попали не просто так. Та девочка, которая села за любимого, — единственный случай. В монастырь не уходят, а приходят — по зову Христа, добровольно. В колонию, как понимаешь, не совсем добровольно. И туда не приходят — туда насильно помещают, в наручниках. Но самое потрясающее, что Христос и это место использует, чтобы человека спасти. Из любого дерьма нас тащит. Чистейший, Безгрешный, а идет прямо туда, берет за руку и ведет. И это поразительно!

Елена Кучеренко.
Pravoslavie.ru